

К.И. Бринев

Барнаул

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ЭССЕНЦИАЛИЗМА
ПРИ ОПИСАНИИ ОСКОРБЛЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

Теоретический принцип, который доминирует в лингвистической экспертологии при описании оскорбления в настоящее время, может быть назван эссенциалистским [Поппер, 1992, 1993]. Названный принцип восходит к принципам построения практически всех лингвистических теорий и характерен не только для юридической лингвистики.

При теоретическом обсуждении вопросов, связанных с оскорблением, центральная проблема, которую решает лингвист, занимающийся теоретическим обоснованием принятия экспертных решений, сформулирована по типу: «Что есть X?». Конкретные проблемные ситуации по правонарушениям, связанные с оскорблением, формулируются в следующих вопросах: «Что есть оскорбление?» и «Что есть неприличная форма?». Эти два вопроса вытекают из соответствующей формулировки юридической нормы: «Оскорбление – это унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме». Данная формулировка является не совсем определенной, что является, скорее, типичным, нежели удивительным. Известно достаточно большое количество работ, в которых отмечается эта неопределенность, а их авторы считают, что отсутствие определенности в вопросах, которые сформулированы выше, тормозит развитие экспертных исследований и делает эти исследования, по крайней мере, не очень эффективными, так как эксперт не знает, что он должен в результате установить.

Данные эссенциалистские теоретические презумпции восходят к нескольким тезисам. Первый тезис носит исключительно технический характер: согласно ему предполагается, что четкое определение способно устранить те проблемные ситуации, которые возникают в связи с неопределенностью слов «оскорбление», «неприличная форма», «честь», «достоинство» и т.п. Данная презумпция, по нашему мнению, не является обоснованной.

Поясним последний тезис. Как это ни парадоксально, но все необходимые в теории термины являются неопределяемыми, их смысл может быть пояснен, но не определен, стремление же к окончательному определению всегда приведет к бесконечному регрессу в процессе определения [Поппер, 1993]. Действительно, если мы попытаемся определить в приведенной норме слово «неприличное», то можем получить следующий текст: «Оскорбление – это умаление чести и достоинства лица, выраженное в форме, не соответствующей, противоречащей правилам приличия». Таким образом, вместо одного термина, мы получили пять новых терминов, которые также способны вызывать вопросы формы «Что такое?». В данном случае мы либо должны признать, что эти пять терминов ясны интуитивно

и не требуют своего определения (они исходны и неопределимы в нашем описании), либо осуществить еще одну подстановку, естественно, что введение новых терминов потребует новых подстановок. Эти подстановки могут осуществляться до бесконечности либо иметь характер круга в определении, что также является бесконечным определением. Таким образом, мы никогда не сможем остановиться в процессе определения наших терминов. Из этого вытекает то, что в любой теории неизбежны неопределяемые термины, и это не связано с точностью этих терминов, термины теории могут быть неточны, но это не мешает теории описывать и объяснять факты.

Второй тезис носит идеологический характер и связан с определенными онтологическими предпосылками, а именно с тем, что неприличность или оскорбление как феномены реальной действительности обладают определенной сущностью, а потому если мы найдем (или откроем) эту скрытую сущность, то мы сможем успешно квалифицировать фрагменты речевых событий как оскорбления / неоскорбления или как приличные / неприличные, потому что эти речевые события будут разделять или не разделять выявленную нами сущность. При таком подходе необходимо актуализируется мысль о том, что какие-то признаки для оскорбления существенные (истинные признаки), а какие-то вторичные и несущественные (акцидентные признаки). Напр., слово «неприличное» называет, какую-то сущность, к которой причастны конкретные вещи (точнее сказать события), эти вещи одновременно одинаковы, т.к. как разделяют эту сущность (может быть, конечно, в разной степени), но они и различны, т.к., очевидно, что в мире нет ни одной тождественной во всех отношениях вещи / события). Постигание сущности вещи и обеспечивает наше знание о том, как квалифицировать каждое конкретное событие; другими словами, если мы знаем ответ на вопрос, какова сущность оскорбления, то мы в каждом конкретном случае можем определить, являлось ли речевое событие оскорблением или нет. Эти онтологические предпосылки ведут к следующим следствиям. Научный анализ, который исходит из такой теории, уделяет внимание значению слов, но не описанию событий, которые имели место в конкретном месте в конкретное время. Основной вопрос в этом плане заключается в том, каково истинное значение слова X. Сопоставим, напр., два определения:

1. Оскорбление: Действие по знач. глаг. оскорбить – оскорблять при Оскорбить: Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства.

2. Оскорбление – унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме.

Если мы стоим на эссенциалистских позициях, то перед нами встанет вопрос, какие признаки существенны для оскорбления, а какие нет. Напр., мы можем считать, что признак неприличной формы не является существенным для оскорбления, это вытекает из первого определения, но введен в право как конвенция и юридическое оскорбление является частным случаем лингвистического оскорбления. Далее мы можем поставить вопрос: насколько существен признак «наличия желания оскорбить» и можем решать его по-разному, констатируя, что этот признак не важен для лингвистики, но важен для юриспруденции или неважен для слушающего, но важен для говорящего. Мы можем также иметь в виду следующий факт, что возможны такие ситуации, что кто-то хотел оскорбить, но тот, кто являлся адресатом оскорбления, не оскорбился (вероятно, все или большинство сталкивались с такой ситуацией) и ставить вопрос, когда же действительно произошел факт оскорбления, а в принципе несколько другой вопрос, что мы будем называть словом «оскорбление» или каков истинный смысл слова оскорбления. Такая постановка вопроса ведет либо к релятивизму, либо к конвенционализму. Так, мы можем релятивизировать слово «оскорбление» по отношению к юриспруденции или лингвистике, по отношению к говорящему или слушающему и т.п. и рассуждать примерно следующим образом: «Для слушающего это было оскорблением, а для говорящего – нет, или с лингвистической точки зрения это было оскорблением, а с юридической – нет». Естественно, что такие решения ведут к неоднозначности интерпретаций одного и того же события, которая не может не сказаться на эффективности лингвистической экспертизы, так как мы вынуждены отвечать на поставленные вопросы следующим образом: «С точки зрения слушающего это оскорбление, а с точки зрения говорящего нет». Такая неоднозначность далее может быть преодолена либо конвенционально при помощи того, что мы договоримся употреблять слово «оскорбление» только по отношению к таким-то обстоятельствам и не употреблять по отношению к

другим. Конвенция может носить как стихийный, так и сознательный характер.

В общем описанный подход не может быть признан удовлетворительным и не только потому, что в результате мы не можем добиться удовлетворительных экспертных результатов, этот подход не может быть признан исключительно по теоретическим соображениям.

Перейдем к описанию альтернативных теоретических предпосылок, которые способны удовлетворительно решить названную проблему. Первая предпосылка касается номиналистического подхода к значению терминов и слов. Согласно номиналистическому подходу левая часть определений не является важной, но представляет собой условность (этикетку), которая служит для называния определенных описательных и оценочных высказываний; другими словами определение – это сокращение для совокупности высказываний. Из этого следует, что в науке мы всегда можем опустить левую часть определения, при этом мы не потеряем никакой значимой информации. Естественно, что при таком подходе снимается вопрос о сущности оскорбления, равно как и об истинном значении термина «оскорбление». Действительно, нет никакой возможности решить проблему, что более истинно: а) крайне обидеть, унизить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства или б) унизить честь и достоинство в неприличной форме. Эти высказывания равноправны и различны, они описывают частично схожие и частично различные события, которые могут иметь место. Мы не можем ответить на вопрос, какое из событий более истинно или более важно, если конечно, забудем о левой части определения и не будем ставить вопроса о том, что такое оскорбление, потому становится неважным и вопрос о том, каково истинное содержание слова «оскорбление», а также вопрос о сущности оскорбления, так как слова «оскорбление» теперь нет в нашем тексте, и мы можем никогда его более не вводить. Из этого вытекает достаточно важное следствие – в своих описаниях и объяснениях мы начинаем не с определения терминов, а с известных нам утверждений о событиях, с предположительно истинных утверждений о том, что имеет (имело) место в реальной действительности. Напр., мы предполагаем истинным следующее утверждение: «Некто может оскорблять, но есть человек, который не оскорбился».

Это фактическое утверждение, оно может соответствовать действительности. Из этого не следует, что оскорбление (напомним, что слова «оскорбление» уже нет в нашем описании) релятивно относительно конкретной личности или ситуации в том смысле, что его объективно не существует, так как мы способны объяснить, почему такой факт имеет место в действительности. И если мы, напр., выдвинем предположение о том, что отсутствие факта определенного психологического состояния связано с тем-то, то это также будет утверждением о том, какое положение дел имеет место в мире, а не свидетельством релятивности и субъективности какого-либо концепта или явления.

Таким образом, если мы были бы способны установить следующую совокупность фактов: X услышал инвективное высказывание и оскорбился, при этом У не хотел оскорблять X-а, то этого было бы достаточно для того, чтобы экспертный результат признавался удовлетворительным, т.к. судебная экспертиза назначается с целью установления фактов, другими словами событий, которые имели место в конкретном месте в конкретное время. Отметим, что части предложения, которое было высказано выше, связаны между собой логической связкой «И», поэтому предложение будет истинным, если истинны все составляющие его части. Так, сложное высказывание: «X, знал, что фраза Z способна оскорбить У-ка и произнес фразу Z в адрес У-ка, а У не оскорбился» будет истинной только тогда, когда в реальной ситуации дела обстояли именно таким образом, как описано в этой фразе. Быть может, этот результат покажется тривиальным, но еще раз отметим, что именно такой результат, по нашему мнению, является удовлетворительным экспертным результатом. Лингвистическая же экспертология в настоящее время пытается установить действительный факт оскорбления, детально рассматривая определения оскорбления в юриспруденции и лингвистике и стараясь установить, какое определение более соответствует действительности или является истинным определением. Поэтому в некоторых работах интенсивно обсуждается вопрос о том, когда же имел место реальный факт оскорбления: а) когда говорящий хотел оскорбить и слушающий оскорбился, б) когда говорящий не хотел оскорбить, но слушающий оскорбился, в) когда говорящий хотел оскорбить, а слушающий не оскорбился. Думаем, что эссенциалистский принцип теоретизирования в

данном случае нагляден: лингвист пытается решить вопрос, что является главным событием для того, что называется словом «оскорбление». Отметим, что эта проблема не может быть решена описательно, т.к. события не могут быть важными и не важными, они либо есть, либо их нет. Все описанные события равноправны, и, если мы научились их устанавливать, то мы можем их установить, если же некоторые мы не можем установить, то если нам задают вопрос об этих событиях, мы сможем ответить лишь, что мы не можем сказать о них в силу того, что лингвистическая наука не способна описать эти события. Из этих примеров можно также понять, каким образом лингвистические описания релятивизируются: так ситуация б) может быть сформулирована следующим образом с точки зрения говорящего то, что было, являлось оскорблением, а для слушающего – нет. Далее вполне естествен вопрос: а было ли то, что было, оскорблением? И мы опять приходим к эссенциализму, т.к. вынуждены ставить перед собой вопрос: «Что такое оскорбление?».

Отметим еще один аспект релятивности лингвистических описаний, который в настоящее время объясняется онтологически через принцип недискретности языка, а логически через тот факт, что двузначная логика неспособна описать сложные недискретные языковые и речевые феномены. Сразу же отметим, что мы не разделяем данного объяснения, и считаем, что описанная релятивность не вытекает из языковой онтологии и не иллюстрирует неспособность формальной логики описывать какие-либо фрагменты языко-речевой реальности, но эта релятивность есть релятивность словоупотребления: мы можем называть словом «оскорбление» различные совокупности фактов и именно это ставит нас в тупик. Еще раз отметим, что мы можем не использовать слово «оскорбление», тогда та релятивность, которая имела место, превращается в различные комбинации фактологических высказываний, которые могут быть истинными и ложными. Так мы можем ошибиться в экспертном исследовании относительно факта, что кто-то оскорбился, но не ошибиться относительно того, что речевое поведение говорящего выглядело так, как если бы тот хотел оскорбить. Таким образом, если мы проводим экспертизу, то мы неверно описываем ситуацию, которая имело место в конкретное время в конкретном месте. Мы утверждаем, что говорящий хотел оскорбить слушающего и слушающий

оскорбился и наше утверждение ложно, т.к. в той ситуации имели место следующие события: говорящий хотел оскорбить и слушающий не оскорбился.

Есть еще одна сторона эссенциализма, на которую необходимо указать в данной статье: эссенциалистский принцип важности (большей реальности каких-либо свойств вещи или, наконец, сущности) коррелирует с тем, как факты представляются в правовых нормах, потому описания, которые разработаны при помощи эссенциалистской методологии, как это можно было понять из предыдущего изложения, очень напоминают юридические квалификации. Поэтому оказывается, что мы принимаем решения о том, какие факты будут квалифицироваться как оскорбления, а какие нет. Эта корреляция, безусловно, требует более подробного анализа, но, в общем, она может быть объяснена тем, что эссенциалистский принцип сущности не может не иметь неавторитарного или неконвенционального характера. Опишем более подробно, каким образом то, что в дескриптивном эссенциализме называется «сущностью вещи», приобретает значимость в праве.

Правовая норма по своей природе относится к классу директивных (деонтических) высказываний. Это тип высказываний, который устанавливает ценности, тогда как дескриптивные высказывания направлены на то, чтобы описывать факты. Когда мы утверждаем, что запрещено убивать, то нашей целью не является описание того, каковы факты, но создание определенной линии нашего поведения, согласно которой мы не должны убивать, и если кто-то убьет, то он будет наказан, что тоже относится к линии нашего поведения. Таким образом, директивные высказывания указывают на то, как мы должны вести себя в конкретной фактической ситуации. Наше поведение в этом случае описывается не дескриптивно, другими словами из представленной нормы не выводимо, что мы будем себя вести именно таким образом во всех ситуациях, когда произошло убийство, но является эталоном или нашим решением о том, как мы должны действовать в данной ситуации. Практически все юридические конструкции представляют собой решения о линиях поведения. Так, вводя в уголовное право принцип вины, мы принимаем решение о том, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия

(бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина и объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» (ст. 4 УК РФ). Принимая решение, мы получаем возможность оценивать факты как значимые или не значимые для того, чтобы мы принимали какое-то конкретное решение. Так, напр., для того чтобы принять положительное решение по делу об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), нет необходимости устанавливать следующий факт: «Человек, высказывавший угрозу, имел намерение исполнить угрозу», тогда как надо установить факт, что у потерпевшего имелись основания воспринимать угрозу как реальную. Таким образом, когда мы создаем нормы, мы оцениваем некоторые факты как менее значимые, но из этого не следует, что мы устанавливаем, что такое на самом деле угроза в том смысле, что истинная угроза это такая угроза, когда один угрожает другому, а тот, кому угрожают, угроза кажется реальной независимо от того, имело ли место намерение исполнить угрозу – будет представлять собой истинную угрозу, а остальные – нет. С другой стороны нет никакой необходимости и возможности описательно критиковать угрозу или оскорбление в юридическом смысле как угрозу или оскорбление, которые понимаются неправильно или являются неистинными угрозой или оскорблением, так как иерархия фактов как менее значимых или более значимых не является описательной проблемой, но представляет собой наши решения. Эти решения могут быть изменены и мы, напр., можем ввести принцип объективного вменения, а относительно угрозы решить, что для осуждения по статье 119 необходимо установить факт, что угрожающий намеревался исполнить угрозу. Таким образом, мы способны относиться к фактам по-разному и это не влечет релятивизма и конвенционализма, так как оскорбление – это условная этикетка для представления фактических высказываний и высказываний, оценивающих данные факты, а оценки-решения никогда не могут быть объяснены фактически, они не сводимы к фактам.

Выявленная связь между эссенциалистским характером лингвистических теорий и свойствами правовых норм позволяет нам утверждать, что в настоящее время в лингвистической экспертиологии развивается не описательный, а предписательный подход к решению экспертных задач при квалификации

правонарушений, в состав которых входит оскорбление. Этот подход заключается в том, что лингвист решает, какая совокупность фактов должна называться словом «оскорбление», полагая при этом, что он описывает «истинное» оскорбление. Проиллюстрируем последний тезис еще одним примером. На определенном этапе развития лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, было принято решение не осуществлять квалификацию речевого поведения как оскорбления, так как данная квалификация носит юридический характер. Вопрос о наличии / отсутствии оскорбления в спорном тексте был заменен квалификацией спорного речевого произведения в аспекте его оскорбительности, таким образом, один из центральных вопросов по данной категории дел стал формулироваться следующим образом: «Оскорбительно ли исследуемое речевое произведение для X-а». Постановка этого вопроса, по нашему мнению, не изменила содержание экспертного исследования по делам об оскорблении в том смысле, что лингвист при таком подходе не описывает (не устанавливает) факты, но принимает решения, которые имеют юридические последствия. Другими словами он поступает, как юрист, и действует в рамках деонтической логики, но не описательной. Поясним этот тезис. Предположим, что лингвист в своем экспертном заключении отвечает на поставленный вопрос следующим образом: «Высказывание X не является оскорбительным для лица». Данная формулировка может иметь описательное и директивное (деонтическое значение). В первом случае мы можем иметь в виду следующее: «Невозможно, чтобы X оскорбился» в том смысле, что такое положение дел исключается нашими теоретическими представлениями об оскорблении. Тогда если инвектум утверждает, что он оскорблен, но наша теория и наше описание истинны, то инвектум лжет, другими словами, он не оскорблен, тогда как утверждает: «Я оскорблен». Если же мы утверждаем, что такое положение дел невозможно, а конкретное лицо все-таки оскорбилось, то необходимо пересмотреть нашу теорию оскорбительности, т.к. обнаружился факт, который ей противоречит.

Отметим, что вряд ли именно такое содержание вкладывается в ответы на вопросы об оскорбительности, скорее, когда отвечают на этот вопрос, его понимают именно в директивном смысле. Согласно этому смыслу ответ: «Фраза X

не является оскорбительной для лица» будет пониматься в том смысле, что лицо не должно (не имеет права?) на эту фразу обижаться и, соответственно, инвектор не должен нести ответственности за свое речевое поведение. В этом аспекте вопросы истины не имеют значения, так как мы имеем в виду директиву и поэтому может иметь место следующая ситуация: Инвектум оскорбился, но мы утверждаем, что он не должен этого делать в том, напр., смысле, что инвектор не заслуживает наказания. Другими словами, мы вырабатываем решение по поводу факта произнесения конкретного высказывания, но не описываем факты (мы «принуждаем» инвектума смириться со своим положением). Думаем, что именно этот смысл положен в основу экспертных решений и закономерен вопрос: чем отличается данная квалификация от той, когда мы принимаем решение о наличии / отсутствии оскорбления. Очевидно, что как первая, так и вторая предписательны.

Библиографический список

1. Поппер, К. Нищета историцизма / К.Р. Поппер. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 186 с.
2. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.